

" ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика "
№ 7-8 август-сентябрь 1997 г.

ЧТОБЫ - НЕ ПО ЗАМКНУТОМУ КРУГУ

"Замечательно, что история "Индекса" сделала полный круг, и теперь мы сотрудничаем с журналом, который уже на родной почве ставит своей основной задачей обсуждение проблем демократии и прав человека".

Урсула Оуэн, главный редактор "Index on Censorship"

"И принимаемые законы, и практика применения уже принятых свидетельствуют: свобода слова перестала быть насущной необходимостью для страны. В этих условиях надо быть готовыми к возвращению цензуры, она уже на пороге. Ну, что ж, досье на нее у нас уже есть".

Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности

Две несхожие цитаты из пресс-релиза, посвященного выходу а свет первого, по сути - пилотного номера российского журнала " INDEX /Досье на цензуру" (совместный проект Index on Censorship, Лондон, и Фонда защиты гласности. Москва). - по сути, об одном людям, серьезно относящимся к положению российской Конституции - "цензура запрещается", есть чем заниматься в России и через двадцать пять лет после появления первого номера Index on Censor ship.

Что важно: и в самом деле замыкая "круг", о котором говорит Урсула Оуэн (а его исходной точкой, первоотлчком к появлению индекса послужило московское "Обращение к мировой общественности па поводу суда над Гинзбургом, Галансковым. Добровольским и Лайковой 4, подписанное Ларисой Багораз и Павлом Литвиновым 11 января 1968 года), московское "Досье на цензуру" возникает элементом гражданского сопротивления угрозе замыкания другого "круга". Того, о котором предупреждает Симонов: реанимации цензуры как нормы жизни общества, легализации цензора.

Не хочу гадать, в какой мере затронут сердце и сознание сегодняшнего читателя, и прежде всего молодого, ретроспективные страницы "Досье" - и прежде всего голоса Павла Литвинова, Андрея Синявского, Сергея Каледина. Обращу внимание разве что на сам факт присутствия в новом журнале названных и целого ряда других значимых и для российских правозащитников, и для рос сийской культуры имен. Да и, пожалуй, на то еще, что интеллигентн ый до кончика ногтей новичок от всех известных мне российских "интеллигентских" изданий отличается работой "в точку". Фокусировкой каждого взгляда и каждого голоса - как бы один ни отличался от другого, - на про блеме защиты свободы слова, свободы граждан говорить и слышать.

Не здесь ли причина того напряженного, нерасслабляющего ся внимания, на котором ловишь себя, переворачивая две сотни журнальных страниц?

Отмечая превосходную профессиональную работу Наума Н им а, главного редактора нового издания, и его коллег, а том числе "волонтеров", отдалим должное и ситуации, исправно подбрасывающей ведущим "Досье" факты и поводы для анализа, И на шестом году жизни российского Закона о средствах массовой информации рука тянется отчеркнуть у того же Литвинова: "Главное - это влияние прессы. Влияние прессы на Западе - это другая вещь. Если где-то что-то появилось в прессе, то автоматически,

немедленно и прокуратура, и полиция, и правительство станут это рассматривать. Могут быть инициированы слушания в Конгрессе, возникнет обратная связь..."

Зачем отчеркнуть? Разумеется, не затем, чтобы отреагировать репликой: и у нас теперь публикации достаточно для снятия министра. При том, что "банный" прецедент создан, прекрасно понимаешь: и в данном, единичном случае сработали не общественное мнение и даже не забота государства о чистоте мундира высокого госчиновника, а нечто иное, относящееся скорее к подковерной борьбе "совсем своих" с "не совсем своими". Да и внимание государства к прессе - всегда ли благо?

Отслеживая развитие продолжающегося минского "сюжета" с попыткой замены теле-на просто камеру для Павла Шеремета и членов его съемочной группы, ловишь себя на мысли: а жаль, что ребята до задержания не прочли в том же "Досье" старого, но не состарившегося, похоже, "инструктивного" эссе Владимира Альбрехта "Как быть свидетелем": могло пригодиться в беседе со следователями, не обесценилось за полтора десятка лет ..

Пилотный, первый номер нового журнала "INDEX /Досье на цензуру" безусловное событие а российской жизни: политической, культурной, массово-информационной. Что еще важнее, хотя и сложнее осознается - в личной, частной жизни миллионов российских граждан, именем которых и во имя которых у "старого" английского издания появилась летом 1997 года московская "родня". То, что первый номер "Досье" - в значительной мере ретроспективный, связывающий времена, ценности, традиции - естественно и закономерно. Узнать от надежных свидетелей *как было* - не просто интересно или полезно, но необходимо: для предъявления "группы крови" но вого издания, установления координат точки отсчета в заявленной проблематике, да и просто для сбора под знамена правозащитной гвардии (без кавычек) разным поколений. Понять как есть, каким должно быть и, главное, как из "есть" получить "должно быть" - так формулируется задача не на номер, на всю дистанцию. Рискну в связи со сказанным предложить несколько конкретных позиций, разработка которых заслуживала бы внимания на полосах журнала.

1. Проблема цензуры как проблема культуры - и правовой, и политической, и профессиональной.

У тоталитарной "культуры" - и культуры свободы - разная природа ограничений свободы слова. Точнее артикулировать и де финировать это различие (систему различий) значит, в том числе, точнее выйти и на закон (прежде всего - на Закон о СМИ, речь в котором идет пока только и исключительно о "предварительной цензуре"), и на правила игры в сфере массовой информации. Здесь сходятся в одной плоскости как бы три культуры (власти, журналиста, общества), - с неизбежной необходимостью "полномочных представителей" каждой из трех договариваться о нормах поведения, о формах и способах самоконтроля.

2. Признаки косвенной цензуры.

Резолюция 428 (1970) Консультативной Ассамблеи Совета Европы включает в себя текст Декларации о средствах массовой информации и правах человека. Пункт 5 этой Декларации начинается словами: "Не должно быть ни прямой, ни косвенной цензуры печати или содержания радио- и телевизионных программ, новостей или информации, передаваемых другими средствами..."

Очевидно, что позиция в отношении косвенной цензуры у нас практически не разработана. Что относится к ней? Где та, которой "не должно быть", в каких формах заявляет о себе чаще всего? Идет ли речь о политике акционера, не относящегося к редакционному коллективу? Идет ли речь о чиновнике, не допустившем журналиста

туда, где тот обязан был бы (и мог бы, в соответствии с Законом "О СМИ") находиться? Или, другой вариант, о чиновнике, предоставившем журналисту общественно-значимую информацию не в первоисточнике, а в том виде, в каком сам этот чиновник (с его конкретной, личной культурой, с его личным представлением о "добре" и "зле", об общественном интересе и общественной пользе) счел возможным ее предоставить?

Мне кажется, дискуссия о косвенной цензуре в журнале была бы принципиально полезной, развивающей и цех, и корпорацию, и общество, и государство.

3. Известно, что от имени "общества" от журналиста нередко требуют самоцензуры. Но последняя - совсем не то же, что действительно отсутствующий у российской прессы системный самоконтроль.

Рассчитывать ли на "Досье" (и в том числе, в силу родства с ИНДЕКСОМ) как на разработчика этой темы, существенной не только для самой российской журналистики, но и для российского общества в целом?

4. Приступы своего рода "морской болезни", тоска по твердой палубе "державности" в Государственной Думе нынешнего созыва проявлялись по разному. Едва не самым частым из проявлений такого рода были попытки подтянуть к сфере массовой информации прицел "национальной опасности", а вместе с ним - и систему тайного как укрепляюще-"безопасного".

Угроза расползания "ареала" различного рода тайн заставляет говорить сегодня об угрозе свободе слова и значит угрозе обществу на этом направлении. И всерьез рассматривать необходимость корректировки не только 3-й, но и 4-й статьи Закона о СМИ.

Предусмотренная последней статьей ответственность за использование СМИ "для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну" в условиях отсутствия специалиста по тайнам в редакциях или возле них (ситуация времен ГЛАВЛИТа-ГУОТа) - это форма мощного косвенного давления на редакцию, принудительного навешивания на СМИ и журналиста хомута самоцензуры, стимулирования подхода известного как "какбычегоневышло".

Во времена, когда о втором круге "тайного" нельзя было и помыслить, этот пункт закона представлялся досадной промашкой авторов, издержкой правотворчества. Не то сегодня: угроза ответственности представителей массовой информации "за разглашение" оказывается фактором социально опасным сразу в двух значениях. Во-первых, она приучает журналиста к мысли о полезности и даже желанности присутствия рядом с его рабочим столом "специалиста по тайнам", психологически легализуя цензуру.

Во-вторых, она отучает журналиста распространять экстраординарную информацию, и в том числе экологическую или антимилитаристскую, без долгих раздумий о последствиях такого распространения. Можно предположить, что информация о подъеме по тревоге дивизии, расквартированной в городе N, однажды может сыграть ту же роль, что известные римские гуси. Не факт, однако, что информация такая в эфире появится: кому интересно издавать несанкционированные звуки, если первый же из них способен привести к поражению в правах ее обнародовавшего?

5. И, наконец, еще один поворот сюжета. Чем дальше, тем очевиднее опасность для культурного, нравственного, политического здоровья граждан России режима ограничения свободы слова там, где "свобода" эта не может писаться без кавычек, где слово нарушает границы цивилизованности, установленные мировым сообществом на основании долгого и тяжелого опыта.

Спокойное существование расистских изданий, представляющих собой прямой и постоянный вызов самой идее свободы массовой информации, открыто и нагло злоупотребляющих этой свободой старым путем разжигания национальной нетерпимости, вражды - к сожалению, факт российской действительности. Те, кто обязаны принимать меры против таких изданий по службе, за деньги налогоплательщиков (идет ли речь о подразделении Комитета по печати, обязанном осуществлять контроль за соблюдением законодательства о СМИ, идет ли речь о должностных лицах в прокурорских мундирах, обязанных осуществлять надзор за исполнением закона), своей работы очевидно не выполняют.

Почему? Может быть, журналу стоит специально заняться этими конкретными службами и этими конкретными людьми? Может быть, попытаться сделать публичными, обозримыми идеологию, технологию, плоды их труда, их позицию, их аргументацию в защиту такой, а не иной профессиональной позиции?

Очевидно, делать это стоило бы с предъявлением профессионального экспертного анализа противозаконных текстов (находящих читателя, формирующих, при непротиводействии этих самых чиновников, мировосприятие не такой уж малой части граждан завтрашней России), - и с выходом в итоге на формирование определенной гражданской, именно культурной позиции. Предъявлением такой позиции могли бы стать конкретные способы воздействия на ситуацию: депутатский запрос, образование специальных парламентских или правительственных комиссий, инициирование судебных процессов, защищающих свободу слова от опасного злоупотребления ею и т.д.

Не будем преувеличивать возможностей нового журнала влиять на массовое сознание: при тираже в одну тысячу экземпляров такой цели всерьез не поставишь. Но свобода миллионов не всегда защищается самими миллионами: как тут не вспомнить еще раз "Обращения к мировой общественности", с которого начинался четверть века назад ИНДЕКС. Возвращаясь к той давней истории, Павел Литвинов говорит сегодня: "Я не знал, какой это будет журнал...". Держа в руках "Досье на цензуру", мы можем уверенно судить о том, каким этот журнал будет как минимум на ближайший год. А дальше?

Строго говоря, "дальше" - проблема не редколлегии, а России. Будет лучше со свободой слова - кому понадобится "Досье на цензуру"? Пока же - озаботимся тем, что оно понадобилось. И порадуемся тому, что, понадобившись, появилось.

Юрий КАЗАКОВ,
эксперт ПФ "КСДИ"